

Э. ХОДЖА

Хрущевцы

<Фрагменты>

1. Борьба за вытеснение друг друга в верховном советском руководстве

<...> В июне 1954 г., несколько месяцев спустя после вступления Хрущева на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, мы с тов. Хюсни Капо поехали в Москву и попросили у советских руководителей встречи, чтобы обсудить с ними те наши экономические проблемы, которые они не решали. Нас приняли Хрущев и Маленков, который еще был премьер-министром; присутствовали Ворошилов, Микоян, Суслов и еще один или два других более низкого уровня.

С Хрущевым мне привелось раза два встречаться на Украине еще до смерти Сталина. Тогда мы только что вышли из войны и в то время было естественно, что мы питали большое доверие не только к Сталину, к Советскому Союзу, к Коммунистической партии Советского Союза, что было бесспорно, но и ко всем руководителям Коммунистической партии Советского Союза. Еще при первой встрече Хрущев произвел на меня впечатление «энергичного и словоохотливого добряка»; он хорошо отзывался о нашей борьбе, хотя и видно было, что он ничего не знал о ней.

Он приличия ради обрисовал мне Украину, устроил для меня обед, от которого в мою память врезался какой-то суп, борщ, как и чаша простокваши, такой густой, что ее можно было ножом резать; я так и не понял, что это было — простокваша или брынза; он подарил мне узорчатую украинскую рубаху и попросил извинения за то, что ему надо было выехать в Москву на заседание Политбюро. Эта встреча состоялась в Киеве, где Хрущев, сопровождая меня, то и делал, что всячески расхваливал Сталина. Я, естественно, видя лишь то, как эти руководители, летавшие на Москву¹, так умело управляли столь огромной страной, которую мы горячо любили, и слушая их хорошие слова о Сталине, был очень доволен ими и восхищался их достижениями.

Тем не менее столь неожиданный и быстрый приход к власти Хрущева произвел на нас нехорошее впечатление. Не потому, что у нас было что-то против него, а потому, что Хрущев ни в самом Советском Союзе, ни за рубежом не пользовался такой известностью и не играл такую роль, чтобы столь быстро занять место великого Сталина в качестве Первого секретаря Центрального Комитета партии. Ни на одной из встреч, которые мы на протяжении ряда лет имели со Сталиным, Хрущев ни разу не появился, хотя в большинстве этих встреч принимали участие почти все главные руководители Коммунистической партии и советского государства. И все-таки мы ни разу не говорили о наших соображениях по поводу столь резкого выдвижения Хрущева. Это мы считали внутренним делом Коммунистической партии Советского Союза, полагали, что они сами знают, что делают, и мы всем сердцем желали, чтобы дела в Советском Союзе шли всегда на лад, как во время Сталина.

И вот настал день, когда мы оказались лицом к лицу с Хрущевым на первой официальной встрече с ним.

Первым слово взял я. Я кратко изложил положение страны в экономическом, политическом и организационном отношении, положение партии и народной власти. Зная по опыту прошлогодней встречи с Маленковым, что новые руководители Коммунистической партии и советского государства не любили долго слушать других, я постарался изложить свои соображения возможно более сжато, делая упор в основном на экономические вопросы, о которых два месяца до этого мы направили советскому руководству подробное письмо. Помню, во время моего выступления Хрущев вмешался только раз. Я рассказывал о замечательных итогах последних выборов в депутаты Народного Собрания в нашей стране и о проявившемся на этих выборах монолитном единстве между партией, народом и народной властью.

— Эти результаты не должны усыпить вас, — вставил в этот момент Хрущев, обратив внимание на тот вопрос, который мы всегда учитывали; я сам в только что сделанном изложении подчеркнул как раз нашу работу по упрочению единства, по усилению любви народа к партии и народной власти, по повышению бдительности и т. д. Ладно, это уж его право давать советы сколько ему угодно, нам не на что было обидеться.

Вслед за мной слово взял Хрущев, который с самого начала показал себя фокусником в подходе к делам:

— Мы изучили ваш материал, так что в курсе вашего положения и ваших проблем, — начал он. — Сделанный товарищем Энвером доклад еще больше разъяснил нам вопросы, и я считаю

его «совместным докладом» — вашим и нашим. Но я, — сказал он далее, — еще плохой албанец, и теперь не буду говорить ни об экономических, ни о политических проблемах, выдвинутых товарищем Энвером, ибо мы с нашей стороны еще не обменивались мнениями и еще не пришли к единому мнению. Поэтому я коснусь другого вопроса.

И начал он пространную беседу о значении роли партии.

Говорил он громко, все время жестикулируя и махая головой, оглядываясь вокруг, нигде не останавливая своего взгляда, временами прерывал свою беседу и задавал вопросы, затем, часто еще не получив ответа, продолжал свою беседу с пятого на десятое.

— Партия, — теоретизировал он, — руководит, организует, проверяет. Она — инициатор, вдохновитель. Но Берия стремился ликвидировать роль партии, — и, замолкнув на мгновение, спросил меня: — Получили ли вы резолюцию, в которой сообщается о приговоре против Берия?

— Да, — ответил я.

Он бросил говорить о партии и заговорил о деятельности Берия; какие только обвинения не возводил он на него, назвав его виновником многих бед. Это были первые шаги по пути атак против Сталина. Пока что Хрущеву нельзя было обрушиться на Сталина, на его дело и фигуру, он это понимал, так что начал с Берия, чтобы подготовить почву. К нашему удивлению, на этой встрече Хрущев сказал:

— В прошлом году, находясь здесь, вы содействовали раскрытию и изобличению Берия.

Я с удивлением уставился глазами на него, чтобы угадать, к чему он клонит. Объяснение Хрущева было следующее:

— Вы помните ваш прошлогодний спор с Булганиным и Берия в связи с их обвинением в адрес вашей армии. Те сведения нам сообщил Берия, и ваше решительное возражение в присутствии товарищей из Президиума помогло нам еще лучше дополнить имевшиеся у нас подозрения и данные о враждебной деятельности Берия. Несколько дней спустя после вашего отъезда в Албанию, мы осудили его.

Однако на этой первой встрече с нами Хрущев имел в виду не просто Берия. Дело «Берия» уже было закрыто, Хрущев рассчитался с ним. Теперь ему надо было дальше идти. Он долго остановился на значении и роли Первого секретаря или Генерального секретаря партии.

— Для меня неважно, как он будет называться, — «первым» или же «генеральным», — сказал он в сущности². — Важно избрать на этот пост самого умелого, самого способного, самого

авторитетного в стране человека. У нас свой опыт, — продолжил он. — После смерти Сталина нас было четверо секретарей Центрального Комитета, но у нас не было старшего, так что некому было подписать протоколы заседаний!

Подробно изложив этот вопрос с «принципиальной» точки зрения, Хрущев стал явно подпускать шпильки, естественно, в адрес Маленкова, ни разу не назвав его по имени.

— Представьте себе, что случилось бы, — лукаво сказал он, — если бы самый способный и самый авторитетный товарищ был избран Председателем Совета Министров. Все обращались бы к нему, а это содержит в себе опасность того, что могут не приниматься во внимание жалобы, поданные через партию, тем самым партия ставится на второй план, превращается в орган Совета Министров.

Во время его выступления я несколько раз взглянул на бледного, покрытого желтовато-бурой краской Маленкова, не шевелившего ни головой, ни телом, ни рукой.

Ворошилов, покрасневший как мак, смотрел на меня, ожидая, когда Хрущев закончит свое «выступление». Затем начал он. Он указал мне на то (как будто я этого не знал), что пост премьер-министра также очень важен по такой-то и такой-то причине, и т. д.

— Полагаю, что товарищ Хрущев, — сказал Ворошилов неуверенным тоном, так как не знал, кому угодить, — не хотел сказать, что и Совет Министров не имеет особого значения. Премьер-министр также...

Маленков стал бледным как полотно. Желая хоть сколько-нибудь сгладить дурное впечатление, произведенное словами Хрущева особенно относительно Маленкова, своими словами Ворошилов еще больше подчеркнул существовавшее в Президиуме ЦК партии напряженное положение. Несколько минут длилась также лекция Клина Ворошилова о роли и значении поста премьер-министра!

Маленков был «козлом отпущения», которого преподносили мне «отведать». А я из этих двух лекций ясно понял, что в Президиуме ЦК КПСС углублялся раскол, что Маленков и его люди шли по наклонной плоскости. К чему привел этот процесс — это мы увидели позже.

На этой же встрече Хрущев сказал нам, что и другим братским партиям был предложен советский «опыт» того, кто должен быть первым секретарем партии, а кто премьер-министром в народно-демократических странах.

— Мы обсудили эти вопросы и с польскими товарищами накануне их партийного съезда, — сказал нам Хрущев. — Хорошенько взвесили дела и сочли целесообразным, чтобы товарищ Берут

оставался председателем Совета Министров, а товарища Охаба назначить первым секретарем партии...

Итак, раз он настаивал на том, чтобы первым секретарем был избран Охаб, «замечательный польский товарищ», как он сам выразился нам³, Хрущев с самого начала был за устранение от руководства партии (а затем и за его ликвидацию) Берута. Итак, давалась зеленая улица всем ревизионистским элементам, которые до вчерашнего дня скрывались и притулились в ожидании подходящего момента. Этот момент создавал теперь Хрущев, который своими действиями, своими позициями и своими «новыми идеями» становился вдохновителем и организатором «изменений» и «реорганизаций».

Однако съезд Польской объединенной рабочей партии не удовлетворил желания Хрущева. Берут, твердый товарищ марксист-ленинец, о котором я храню очень хорошие воспоминания, был избран первым секретарем партии, а премьер-министром был избран Циранкевич.

Хрущев примирился с этим решением, так как иного выхода у него не было. Однако ревизионистская мафия, которая стала оживать, думала о всех путях и возможностях. Она ткала паутину. И если Берут не был смещен с партийного руководства в Варшаве, как этого желал и диктовал Хрущев, то он должен был быть позднее полностью ликвидирован в Москве неожиданным «насморком»⁴.

2. Стратегия и тактика Хрущева в Советском Союзе

<...> В период кампании за установление так называемого коллегиального руководства Хрущев пытался ухищренно жонглировать, поднимая оглушительный шум о борьбе против культа личности. Исчезли портреты Хрущева со страниц газет, исчезли заголовки с крупными буквами, полные похвал в его адрес, но была пущена в ход другая, избитая тактика: все газеты заполняли его публичные выступления, речи, сообщения о встречах с иностранными послами, о ежедневном посещении приемов, устраивавшихся дипломатами, о встречах с делегациями коммунистических партий, о встречах с американскими журналистами, дельцами и сенаторами и с западными миллионерами-друзьями Хрущева. Эта тактика должна была быть противопоставлена методу «замкнутой работы Сталина», «его сектантской работы», который, по словам хрущевцев, серьезно мешал активизации Советского Союза в мире.

Эта хрущевская пропаганда должна была показать советскому народу, что он теперь приобрел «истинного ленинского вождя, который все знает, все решает правильно, выделяется исключи-

тельной живостью, дает заслуженный отпор любому», и бурная деятельность которого «помогает исправлять в Советском Союзе все, преодолеть преступления прошлого и двигаться вперед».

Я находился в Москве по случаю совещания партий всех социалистических стран. Кажется, это было в январе 1956 г., когда состоялось совещание по вопросам экономического развития стран-членов СЭВ. Это было время, когда Хрущев и хрущевцы усиливали свою вражескую деятельность. Мы с Хрущевым и Ворошиловым были на даче под Москвой, где должны были обедать все мы, представители братских партий. Остальные еще не пришли. Никогда до этого советские руководители открыто не говорили мне плохо о Сталине, и я, со своей стороны, продолжал по-прежнему с любовью и глубоким уважением отзываться о великом Сталине. По-видимому, эти мои слова плохо звучали в ушах Хрущева. В ожидании остальных товарищей, Хрущев и Ворошилов сказали мне:

— Не выйти ли нам в парк подышать свежим воздухом?

Мы вышли и прошли по дорожкам парка. Хрущев говорит Климу Ворошилову:

— Ну, Расскажи-ка Энверу об ошибках Сталина.

Я наострил уши, хотя давно подозревал их в злопыхательстве. И Ворошилов заговорил о том, что «Сталин допускал ошибки в партийной линии, был груб и до того жесток, что с ним нельзя было спорить».

— Он, — продолжал Ворошилов, — потворствовал даже преступлениям, за которые и несет ответственность. Ошибки допускал он и в области развития народного хозяйства, поэтому эпитет «зодчий социалистического строительства» ему не подходит. С другими партиями Сталин не поддерживал правильные отношения.

Ворошилов долго наговаривал на Сталина. Кое-что я понял, а кое-чего нет, ибо я, как писал и выше, не хорошо знал русский язык, но тем не менее суть беседы и цель обоих я хорошо понял и был возмущен услышанным. Хрущев шел впереди и палкой касался посеянных в парке капуст. (Хрущев даже в парках сеял овощи, выдавая себя за большого знатока земледелия.)

Когда Ворошилов закончил свою болтовню и клеветнические измышления, я спросил его:

— Как это возможно, чтобы Сталин допускал такие ошибки?

Побагровевший Хрущев обернулся и ответил мне:

— Возможно, возможно, товарищ Энвер, Сталин такие ошибки допускал.

— Но ведь вы все это заметили еще при жизни Сталина. Как это вы не помогли ему избежать этих ошибок, которые, как вы утверждаете, он допускал? — спросил я Хрущева.

— Вопрос-то, товарищ Энвер, естественный, но видишь эту *капусту*?* Сталин рубил голову с такой легкостью, с какой садовник может срубить эту капусту, — и Хрущев палкой тронул капусту.

— Все ясно! — сказал я Хрущеву и больше не вымолвил ни слова.

Мы вернулись на дачу. Остальные товарищи уже приехали. Я кипел негодованием. В тот вечер они собирались преподнести нам улыбки и обещания «более быстрого» и «более стремительного» развития социализма, обещания «большей помощи» и «более широкого» и «всестороннего» сотрудничества. Это было время, когда готовили пресловутый XX съезд, время, когда Хрущев рвался к власти. Он создавал облик руководителя-мужика, «народного» руководителя, который открывал двери тюрем, открывал ворота концентрационных лагерей, который не только не боялся реакционеров и осужденных и заключенных врагов Советского Союза, но, выпуская их на волю, хотел показать этим, что среди них были и «несправедливо» наказанные.

Известно, что за троцкисты, что за заговорщики, что за контрреволюционеры были Зиновьев и Каменев, Рыков и Пятаков, что за предатели были Тухачевский и другие генералы-агенты Интеллидженс сервиса или немцев. А для Хрущева и Микояна все они были хорошими людьми, и несколько позже, в феврале 1956 г., они должны были быть объявлены невинными жертвами «сталинского террора». Эта волна поднималась постепенно, тщательно подготавливалось общественное мнение. «Новые» руководители, которые были теми же старыми руководителями, за исключением Сталина, выдавали себя за либералов, чтобы сказать народу: «Дыши свободно, ты на воле, пользуешься настоящей демократией, ибо тиран и тирания исчезли. Теперь все идет по ленинскому пути, создается обилие, рынки будут завалены товарами и нам некуда будет девать продукцию».

Хрущев, эта отвратительная трещотка, свои уловки и коварства прикрывал болтовней и вздором. И тем не менее этим ему удалось создать благоприятную для своей группы обстановку. Не было дня, чтобы Хрущев не разводил разнузданную демагогию о сельском хозяйстве, не менял людей и методы работы, не объявлял себя единственным «компетентным знатоком» сельского хозяйства, предпринимавшим подобные личные «реформы».

Своему вступлению на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Хрущев «положил начало» пространным докладом в вопросах сельского

* По-русски в тексте. — *Примеч. ред.*

хозяйства, сделанном на пленуме Центрального Комитета в сентябре 1953 г. Этот доклад, который был назван «очень важным» докладом, содержал в себе те хрущевские идеи и реформы, которые фактически подорвали советское сельское хозяйство настолько сильно, что катастрофы видны и по сей день. Шум и фанфаронство относительно «целинных земель» являлись ложной рекламой.

Советский Союз покупал и продолжает покупать у Соединенных Штатов Америки миллионы тонн зерна.

Однако «коллегиальному руководству» и исчезновению портретов Хрущева со страниц газет суждено было недолго длиться. Культ Хрущева возвеличивали мошенники, либералы, карьеристы, лизоблюды и льстецы. Великий авторитет Сталина, основанный на его неизгладимом деле, был подорван в Советском Союзе и за его пределами. Его авторитет уступил место авторитету шарлатана, клоуна и шантажиста.

3. Не марксисты-ленинцы, а торговцы-перекупщики

<...> Первая встреча с советскими руководителями состоялась 8 июня 1954 г. Это была как раз та встреча, на которой Хрущев, оттого, что был еще «плохим албанцем», как он сам выразился, не хотел говорить о наших экономических проблемах, а произнес нам речь о роли первого секретаря партии и премьер-министра.

Тем не менее в заключение своей речи Хрущев якобы вообще, якобы в виде ориентировок и советов, остановился и на экономических вопросах и особенно на том, какую линию должны были проводить мы в области экономической политики.

— Развивая свою экономику, — сказал он, — занимайтесь подсчетами. — Вот возьмем, например, нефть. Выгодно ли вам вкладывать так много на нефть?! — спросил он.

Я сразу понял, в чем дело. Несмотря на их прежние «наказы» отказаться от разведки и добычи нефти в Албании, мы и во втором письме настаивали на наших мнениях и просили их помочь нам в этом деле. И теперь, раз он спросил, я нашел подходящий случай снова изложить наше мнение.

— Как вам известно и из нашего письма, — сказал я, — Правительством и Центральный Комитет нашей партии, оказавшись перед серьезной экономической и политической проблемой, пришли к выводу, что нам надо во что бы то ни стало продолжать добычу и разведку нефти, хотя для нашей экономики это есть тяжелое бремя и будет оставаться таким еще некоторое время, если не будет увеличена добыча нефти. Нам надо продолжать поиски

и добычу нефти, — сказал я далее, — ибо это сырье огромного стратегического и экономического значения для нашей страны и для нашего лагеря. Однако разведочные и эксплуатационные буровые работы у нас пока что совершенно недостаточны. Производительность существующих скважин постоянно снижается, а это не только вызывает значительные дефициты в производстве и обременяет нашу экономику, но и вызывает большие колебания в графике нашего экспорта.

— Уверены ли вы, что ваши недра нефтеносны? — задал вопрос Хрущев.

— Позвольте мне сказать, что экспедиция, руководимая советскими специалистами, которая занимается геологическими поисками в области нефти с 1950 г., настроена оптимистически и полагает, что в нашей стране нефть имеется во многих пунктах, помимо существующих полей. Однако для подтверждения наличия новых запасов как в существующих полях, так и в новых, требуются капиталовложения. В эту отрасль мы вложили крупные средства, сооружаем нефтеперегонный завод; в нефтепромышленности сосредоточена самая боевая часть рабочего класса; мы вырастили кадры нефтяников. Мы, — сказал я далее, — не можем не признаться честно, что во всем этом процессе имеется много ошибок и недостатков в постановке работы, но мы всеми силами боремся за их устранение. Однако мы продолжаем неуверенно идти относительно запасов нефти. Известные до сих пор запасы — минимальны, к тому же они могут иссякнуть в течение 2–3 лет в случае, если мы не усилим поиски.

— Это не должно вас беспокоить, — вмешался Хрущев. — Нефти у нас в обилии, мы дадим вам нефть.

— Да, — ответил я, — мы вынуждены были в период 1948–1953 гг. ввозить переработанную нефть и смазочные масла на сумму в несколько миллионов рублей. А вы ведь понимаете, для нас это было и остается очень тяжелым бременем; подумайте, сколько средств высвободится, если мы найдем и будем использовать нефть наших недр.

— Помимо всех этих столь веских причин, — продолжал я, — необходимость заниматься нефтяным делом объясняется еще одним веским обстоятельством: в случае, если над нашей страной нависнет опасность и у наших друзей не будет практических возможностей поставлять нам горючее, мы окажемся без капли нефти, и тогда все в нашей стране будет парализовано.

— Учитывая все эти обстоятельства, — сказал я Хрущеву, — мы решили продолжать работу по добыче нефти, как и ее разведку. Но для этого нам нужна ваша помощь. По данным советских и ал-

банских специалистов, если мы будем продолжать эксплуатацию и производить поиски имеющимися в настоящее время средствами и в тех пунктах, где таятся известные небольшие запасы, то у нас нефти хватит только на два — три года. После этого периода мы снова окажемся перед огромными трудностями.

— Вот почему, исходя из этой обстановки, мы просим советское правительство изучить нашу просьбу о предоставлении нам кредита на нефтепромышленность на предстоящие три года. Мне хочется еще добавить, что для использования имеющегося оборудования, как и того, которое мы получим, у нас есть свои собственные кадры и понадобится еще совершенно незначительное количество советских инженеров.

— Ладно, ладно, — взял слово Хрущев, — но дело в том, что надо все тщательно рассчитать с карандашом в руке и учесть выгодность. Мне известно, что ваша нефть не пользуется предпочтением, в ней много посторонних веществ, особенно битума, как и высокий процент серы, так что при переработке она становится еще менее выгодной. Я приведу вам пример о том, что произошло у нас с бакинской нефтью. Мы там вложили миллиарды рублей. Для развития нефтепромышленности в Баку Берия все время просил у Иосифа Виссарионовича капиталовложений, поскольку Сталин в прошлом сам работал в Баку и знал, что там имелась нефть. Однако наши поиски в других краях нашей родины, как и произведенные анализы показывают, что эксплуатация бакинской нефти невыгодна.

Прочтя мне целую изобиловавшую цифрами лекцию о «выгодности» и «невыгодности» добычи нефти, с тем чтобы я «не ошибся» как Сталин (!), Хрущев, наконец, принялся за существо дела:

— Итак, когда речь идет об экономических вопросах, как мы, так и вы должны вести подсчеты карандашом, и, если у вас будут выгодные источники нефти, мы предоставим вам кредиты. Но, ведя подсчеты именно так, получается, что выгоднее будет давать вам из нашей нефти...

— Во всем надо исходить из выгоды, — продолжал Хрущев. — Возьмем индустрию. Я разделяю ваше мнение о том, что Албания также должна иметь свою индустрию. Но какую? Я думаю, что вы должны развивать пищевую — консервную промышленность, промышленность по переработке рыбы, фруктов, масел и т. д. Вы хотите развивать и тяжелую промышленность. Над этим надо хорошенько подумать, — сказал он и, отметив, что можно строить какой-либо механический завод для ремонта запасных частей, добавил:

— Что касается промышленности по переработке минералов, по производству металлов, то это вам невыгодно. Металлы есть

у нас, так что мы можем давать вам сколько угодно. Если мы дадим вам продукцию одного только дня, этим вы можете удовлетворить все ваши потребности.

— То же самое и с сельским хозяйством. Вам, — продолжил он, — надо выращивать те культуры, которые больше всего произрастают и которые более выгодны. У нас тоже были ошибки в этом направлении. Так, например, когда-то мы приняли решение выращивать в Грузии зерновые, на Украине — хлопок и т. д. Однако, по подсчетам в Грузии надо выращивать цитрусовые, виноград, фрукты и т. д., а на Украине — зерновые. Мы уже приняли другие решения и как в Грузии, так и в других республиках сняли те культуры, которые не произрастают. Так что и в Албании надо развивать те культуры, которые больше всех произрастают и дают более высокий урожай, какими являются хлопок, цитрусовые, маслины и другие. Таким образом Албания станет красивым садом и мы будем удовлетворять и потребности друг друга.

— Для нашей страны, — сказал я ему, — одним из главных направлений развития земледелия является наращивание производства хлебных злаков. Хлеб всегда был и остается для нас серьезной проблемой.

— О выращивании хлебных злаков не беспокойтесь, — тут же вмешался Хрущев. — Хлеб мы можем давать вам, сколько угодно; перевыполнение плана на один день в Советском Союзе дает столько хлеба, что хватит Албании на три года. Мы, — отметил он, — быстрыми шагами идем вперед в области сельского хозяйства. Приведу вам некоторые статистические данные о выполнении у нас плана весеннего сева: план этот выполнен на... процентов, засеяно... миллионов га больше чем в прошлом году... миллионов га сверх плана... — и он завалил нас цифрами, которые быстро приводил одну за другой, чтобы дать нам понять, что мы имели дело не с заурядным руководителем, а с таким руководителем, который знал положение как свои пять пальцев.

Что касается его цифр, то нам незачем было ставить под сомнение их точность, поэтому мы радовались и желали, чтобы Советский Союз как можно дальше шел вперед. Но что касается его соображений и «ориентировок» относительно нашей экономики, то мы никак не могли согласиться с Хрущевым. Этим я не хочу сказать, что еще на этой первой официальной встрече с ним, в июне 1954 г., нам удалось понять, что перед нами будущий лидер современного ревизионизма. Нет, это мы поняли позже, однако на вышеупомянутой встрече мы заметили, что его соображения как относительно нефти, так и относительно направления развития промышленности и сельского хозяйства в нашей стране,

не были правильными, не соответствовали ни потребностям нашей страны, ни основным принципам строительства социализма, ни положениям и опыту Ленина и Сталина. Поэтому мы решили отвергнуть их и отстоять наши взгляды.

Однако на этой встрече Хрущев не оставил места для дебатов.

— Я высказал эти мысли, — закончил он, — чтобы вы имели их в виду. Что же касается обсуждения выдвинутых вами здесь конкретных вопросов, связанных с развитием вашего народного хозяйства, мы с нашей стороны назначили с этой целью группу товарищей во главе с Микояном. Потом мы снова встретимся и порешим вместе.

Несколько дней подряд мы здорово спорили с Микояном, который уже держал в руках большие ножницы. Чтобы отклонить наши скромные, но решительные запросы, связанные с развитием промышленности, он и его товарищи, как обычно, заводили шарманку:

— На что вам промышленность! — говорили они. — Не видите, в каком положении у вас деревня?

Мы, конечно, гораздо лучше их знали положение нашей деревни, нам была известна унаследованная от прошлого отсталость сельского хозяйства и как раз потому, что хорошо знали все это, мы уделяли особое внимание подъему сельского хозяйства и росту жизненного уровня в деревне. Мы производили очень большие по сравнению с нашими возможностями капиталовложения на мелиоративные и ирригационные сооружения, освоение новых земель и т. д.; мы помогали крестьянству отборными семенами и сельскохозяйственными орудиями и машинами, создали ряд государственных сельскохозяйственных предприятий, у нас благополучно шло дело с коллективизацией, мы систематически принимали меры, облегчавшие и способствовавшие увеличению сельскохозяйственного производства и росту жизненного уровня в деревне и т. д. Но всего нельзя было добиться сразу. К тому же мы прекрасно понимали подтвержденную также нашей каждодневной практикой марксистско-ленинскую истину о том, что сельское хозяйство никак не может идти вперед без развития индустрии, без создания и укрепления тех основных отраслей, которые способствовали бы гармоничному развитию нашего народного хозяйства в целом. Вот почему и на этих встречах с советскими руководителями мы настаивали на наших соображениях и запросах.

— Наша промышленность, — сказали мы им в частности, — несмотря на осуществленные сдвиги, выпускает ныне только ограниченное количество ассортиментов и не может удовлетворять потребности трудящихся. К тому же выпуск продукции в нашей

стране нередко зависит от поступления извне многих видов товаров, таких как горючее, сталь, прокат, автопокрышки, химикаты, минеральные удобрения, запасные части, инструменты и многие другие.

Итак, наша страна в значительной степени зависит от импорта. Наша индустрия выпускает еще очень мало товаров и, поскольку мы находимся далеко от дружеских стран, зачастую целые отрасли существующей промышленности простаивают из-за отсутствия какого-либо сырья, вспомогательных материалов или оборудования. Наше государство никогда не располагало ни малейшими запасами каких-нибудь товаров, начиная от хлеба и вплоть до карандашей. Нам приходится ввозить не только основные товары, такие как хлеб, горючее и др., но и все виды машин и оборудования, инструменты, запасные части, шерстяные ткани, обувь, нитки, иголки, гвозди, стекло, веревку, шпагат, мешки, карандаши для школ, бумагу, лезвия, спички, медикаменты и т. д.

Такое трудное положение, — товарищи, — сказали мы далее, — не вызывает у нас пессимизм, но реальная действительность такова. Нам надо приложить все силы, чтобы преодолеть трудности, чтобы изменить такое положение. Однако как добиться этого?

Центральный Комитет партии и наше правительство думают, что существующее положение изменить можно, — отметили мы, — только путем развития наряду с сельским хозяйством и индустрии, той индустрии, которая позволит нам шаг за шагом освободиться от этой большой тяжести импорта, которую мы вынуждены нести на плечах в настоящее время.

Наконец, Микоян, и его группа отступили.

— Ладно, — сказал он, — то, о чем мы не договорились, сообщим руководству и порешим совместно во время заключительной встречи.

На последней за время этого визита встрече, состоявшейся [за] два-три дня до нашего отъезда в Албанию, Хрущев вел себя теплее, откровеннее. Он уступил нашим настояниям (по всей вероятности, Микоян проинформировал его о дебатах с нами), показал себя «щедрее», несколько раз повторил: «мы поможем маленькой Албании», и согласился удовлетворить часть наших запросов о кредитах и помощи.

На этой встрече он хорошо отзывался о нашей партии, ее Центральном Комитете и обо мне лично, и, как обычно, не скупился на «громогласные обещания». Впрочем, мы вскоре должны были понять, почему он так вел себя: это было еще начало подъема его самого, как и его группы, поэтому он нуждался в популярности, в хорошей репутации, в том, чтобы в самом Советском Союзе

и за его пределами думали, что имели дело с руководителем-добряком и теплосердным, проворным и умным, с человеком, умеющим и возражать, но и отступать, не скупым, но зато знающим меру, с совершенным бухгалтером.

Следовательно, было такое время, когда Хрущев «инвестировал» в пользу своей тайной акции и поэтому ему нужно было, в зависимости от обстоятельств, показаться и «щедрым», и «отзывчивым», и «человечным». Однако за этой якобы красивой, «дружественной», наружностью интенсивно орудовала гвардия Микоянов и других работников торговли, которые во время переговоров, по экономическим вопросам обращались с нами и другими как настоящие купцы. Именно эти люди Хрущева с его ведома и по его указанию во время «деловых встреч», «при конкретном рассмотрении вопросов» прибегали ко всякого рода давлению и ухищрениям, чтобы урезать наши запросы и так «сгладить» дела, чтобы, когда мы, наконец, встретимся с Хрущевым, ему оставалось бы лишь улыбаться, льстить и поднимать тосты. <...>

11. «Калач» и «кнут»

<...> Югославский вопрос, как и раньше, составлял одну из главных причин нашего размежевания с хрущевцами, которые чего только не делали, чтобы мы помирились с югославскими ревизионистами. Хрущев хотел нашего примирения с ними потому, что он старался посредством этого примирения свернуть нас с марксистско-ленинского пути, по которому мы решительно следовали, заставить нас отказаться от любой правильной и принципиальной позиции во внутреннем и международном планах, словом, повиноваться хрущевскому курсу.

Мы это уже давно раскусили и не пошли ни на какие уступки ни перед демагогией, ни перед шантажом и угрозами Хрущева. Кроме упомянутых мною выше случаев, типичным доказательством этого является и наша встреча с советским руководством в Москве в апреле 1957 г. Это было после венгерских и польских событий и после февральского Пленума 1957 г. Центрального Комитета нашей партии.

На этом Пленуме мы еще раз подвергли глубокому анализу происшедшие в Венгрии и Польше горькие события. Мы открыто высказали свое мнение об обострившейся к тому времени международной обстановке, говорили об истинных причинах потрясений, имевших место в лагере социализма, резко осудили происки империализма с американским империализмом во главе, изобличили современный ревизионизм, подчеркнули основные положения марксизма-ленинизма и высказались за их защиту. В целом,

доклад, сделанный мною на этом Пленуме от имени Политбюро, противопоставлялся многим тезисам XX съезда, не называя его по имени. Сразу же после окончания Пленума мы обнародовали этот доклад, поместили его в газете «Зери и популлит» и передали по радио. Наверное, это привело хрущевцев в ярость. Они не могли открыто выступить против наших положений и нашей принципиальной позиции, так как норовили соблюдать видимость. Зато про себя они неистовствовали. Им нужно было «договориться» с нами, взнудать нас. Они, в рамках «укрепления дружбы», пригласили в Москву делегацию на высшем уровне.

В апреле 1957 г. мы выехали в Советский Союз. Выехали я, Мехмет Шеху, Того Нуши, Рита Марко, Рамиз Алия, Спирос Колека, Джафер Спахиу, Бехар Штюла и другие. Ну и странно: как только судно, на борту которого мы находились, вошло в территориальные воды Советского Союза, нагрянула группа советских боевых кораблей, которая обступила нас, приветствовала нас флажками и эскортировала вплоть до Одессы. Встретить нас в порт вышли заместитель премьера Украины, заместитель министра иностранных дел Советского Союза Патоличев, партийные и государственные руководители Одессы, как и сотни людей с флажками и цветами. В Одессе мы пробыли один день, осмотрели город, посмотрели балет, а вечером поездом отправились в Москву. На вокзале в Киеве нас встретили Кириченко, Кальченко (премьер-министр Украины) и другие; между нами состоялась сердечная беседа, потом они пожелали нам доброго пути и мы поехали дальше. Еще более теплая атмосфера царила на Киевском вокзале в Москве. Неся в руках цветы и флажки, тысячи и тысячи москвичей вышли приветствовать албанскую делегацию на высшем уровне и выразить свою любовь и свое искреннее уважение к нашему народу, нашей партии и нашей стране. Эту особую любовь и уважение советского народа к нам, выпестованные еще при Сталине, я ощущал всякий раз, когда мне представлялся случай вступать в контакты с простыми людьми из советского народа на промышленных предприятиях и в колхозах, в культурных, художественных и научных учреждениях. В лице нашей партии и нашего народа рядовые советские люди видели своих настоящих и искренних друзей, видели партию и народ, которые всем сердцем любили и всеми силами защищали Советский Союз, любили и свято чтити Ленина и Сталина.

— Товарищ Энвер, — обратился ко мне Патоличев, — на этом вокзале мы встречали и других высокопоставленных представителей стран народной демократии, но такого приема, какой советский народ оказывает вам, мне не доводилось видеть.

Встретить нас на перрон вышли Хрущев, Булганин, члены Президиума Центрального Комитета партии, члены правительства СССР и другие. Мы обменялись рукопожатиями и обнялись с ними, и, хотя радость, которую они выражали, ни в коем случае нельзя было сравнивать с радостью обступившего нас и продолжавшего устраивать нам овации народа, все-таки мы заметили, что на этот раз и прием советских руководителей был на несколько ступеней выше, чем в прошлом. И слова и свидетельства почтения, как на вокзале, так и на приемах по случаю нашего приезда, потоком лились.

— Мы гордимся дружбой с вами; ваша партия — партия молодая, но она проявляла большую зрелость; вы играете огромную роль, — наперебой спешили заявлять нам Хрущев, Булганин, Пospelов и другие.

Вскоре мы увидели, что это был «калач». Кнут они показали нам несколько позднее.

— Мы должны помогать вам более организованно. Кое-что мы вам давали, но не в должной мере обдуманно, — старался задобрить нас на первом приеме Хрущев, который и в данном случае не забыл повторить сильное «желание» о том, чтобы Албания «стала образцом для стран Азии и Африки, для Греции и Италии».

Неоднократно подчеркнув: «мы еще больше», «еще лучше будем помогать вам», Хрущев нашел уместным тут же проверить эффект своих обещаний.

— Мы громко смеялись в Президиуме, — сказал он, — прочитав речь Тито в Пуле. В ней он поносил товарища Энвера, но Тито просто слепец.

— Мы незамедлительно дали ему заслуженный ответ, — сказал я.

— Конечно, конечно, — заметил Хрущев и улыбка сошла с его лица, — но мы должны сдерживать свой законный гнев и проявлять в их отношении великодушие ради народов Югославии, ради единства лагеря.

— Мы, — продолжал он, — будем идти в народ и выступать перед ним. Нам следует быть разумными, не упоминать югославов по имени, а говорить о ревизионизме вообще, как явлении...

Это был прием по случаю нашего приезда, и я не стал возражать ему. Но впоследствии югославский вопрос преследовал нас всюду.

Спустя два дня мы выехали в Ленинград. Там нас встретил Козлов, который отозвался о нас в самых горячих словах.

— Я без ума от Албании, — сказал он. — Я стал большим патриотом вашей страны! (Два-три года спустя во время незабываемых бухарестских и московских событий⁵ тот же Козлов показал себя столь большим «патриотом» нашей страны, что, помимо всего

другого, угрожал нам лишением свободы и независимости родины, заявив: «Достаточно одной атомной бомбы, сброшенной американцами, чтобы стереть с лица земли Албанию и ее население».)

Мы посетили в частности машиностроительный завод им. Ленина⁶, крупный завод исторической важности. Там, в трудных условиях царизма, Ленин создал первые коммунистические группы и часто выступал перед рабочими.

— Ни одна иностранная делегация не побывала на этом заводе, — заметил Поспелов, сопровождавший нас в этой поездке.

Рабочие не были подготовлены к встрече с нами, так как наш визит не входил в план, но они оказали нам действительно очень теплый прием. Один рабочий, участвовавший в работе по изготовлению турбины для нашей гидростанции на реке Мат, вручил нам несколько инструментов для передачи их на память албанскому рабочему. Заводские рабочие, с которыми мы беседовали, сказали нам, что знали Албанию и питали особую любовь к албанскому народу; они называли наш народ героическим народом.

На заводе сразу же был устроен митинг с участием около 4000–5000 человек, и меня попросили выступить на нем. Взяв слово, я выразил им глубокую любовь и признательность, которые албанский народ и Албанская партия Труда питают к ним и ко всему советскому народу. Настала очередь рассказать им о борьбе нашего народа и нашей партии против врагов — империалистов и ревизионистов. Враги эти были конкретными, имели свои имена, они разворачивали против нас конкретную деятельность. Следовало открыто говорить рабочим об этом, хотя Хрущеву это не понравилось бы. Он еще на первой встрече «ориентировал» нас относительно югославского вопроса. Однако как мне, так и моим товарищам сердце подсказывало говорить, поэтому в моей речи я сказал рабочим, что югославские руководители являются антимарксистами, что они занимались враждебной деятельностью и т. д.

Рабочие внимательно слушали меня и восторженно скандировали. Но по окончании митинга Поспелов сказал мне:

— Неплохо было бы подправить часть, где речь идет о Югославии, она показалась мне резкой.

— В ней ничего лишнего нет, — ответил я.

— Завтра ваша речь будет опубликована в печати, — заметил Поспелов. — Югославы очень рассердятся на нас.

— Это мое выступление. С вами все в порядке, — сказал я ему.

— Поймите же нас, товарищ Энвер, — продолжал Поспелов. — Ведь Тито утверждает, что это мы подбиваем вас говорить так открыто против них. Нужно будет смягчить эту часть.

Весь этот диалог шел в одной из комнат ленинградского оперного театра им. Кирова. Время начала спектакля прошло, люди ждали нашего входа в зал.

— Поговорим об этом потом, когда кончится спектакль, — сказал я. — Время истекает.

— Отложим начало спектакля, — настоял он, — вот я скажу об этом товарищам.

Мы немножко поспорили и, наконец, пришли к «компромиссу»: слово «враждебная» заменить словом «антимарксистская».

Ревизионисты были на седьмом небе от радости. Но, позадумавшись, Козлов захотел другой «уступки»:

— Антимарксистская, — заметил он, — это как-то плохо звучит, а что если подправить, сделать «немарксистская»?

— Так и сделайте! — сказал я с иронией, — пусть будет по-вашему.

— Перейдем в фойе, — сказал тогда Козлов, и мы раза два прошли по нему, чтобы Козлов здоровался с присутствующими то направо, то налево. Тем временем другие ушли внести «поправки», а вместе с ними пошел и Рамиз. Но, вернувшись, Рамиз сообщил мне, что они сняли все сказанное мною о югославах. Я поручил ему передать им, что мы настаивали на своем мнении, но люди Хрущева ответили:

— Теперь уже не возможны никакие поправки, ибо для этого мы должны вновь сообщить товарищам в центре!

В одном из антрактов я выразил наше недовольство Пospelову.

— Правда, они такие, как вы о них говорите, — сказал он, — но не будем торопиться, ведь настанет время...

Итак, в газете «Правда» сказанное мною о Югославии на митинге вышло не так. Такому же давлению подвергался и Мехмет в Ташкенте, куда он поехал с частью делегации, таким же «операциям» подвергались и его выступления.

Хотя наше отношение к югославским ревизионистам было хорошо известно советским руководителям, мы уже решили еще раз подробно изложить в Москве этот вопрос, открыто сказать Хрущеву и его товарищам, почему мы не были согласны с ними. Встретились мы 15 апреля. С нашей стороны в переговорах участвовали я, Мехмет, Того, Рамиз, Спиро и Рита; с советской стороны — Хрущев, Булганин, Суслов, Пономарев, а также Андропов. Последний после венгерских событий был уже не послом, а высокопоставленным работником аппарата Центрального Комитета партии, не то заведующим, не то заместителем заведующего отделом сношений с партиями социалистических стран⁷.

Я с самого начала сказал Хрущеву и его товарищам, что буду говорить в основном о югославском вопросе.

— Мы, — подчеркнул я в частности, — многократно рассматривали этот вопрос в нашей партии и всячески старались быть как можно более осмотрительными, хладнокровными и осторожными в своих мыслях и действиях по отношению к югославскому руководству.

В свою очередь югославские руководители дудели в одну дудку. Я не намерен говорить здесь о всей горькой истории наших 14-летних отношений с ними, так как вам она известна, но хотел бы отметить, что югославское руководство и по сей день продолжает враждебную нам агентурную деятельность, совершает постоянные провокации.

Мы, — сказал я далее, — полагаем, что такое неизменное поведение югославского руководства и особенно сотрудников его миссии в Тиране направлено на полный разрыв отношений с нами, чтобы поставить нас в неловкое положение перед нашими друзьями, утверждая, что «вот со всеми другими партиями нам удалось установить добрые отношения, а с албанцами договориться невозможно».

Далее в своем выступлении я привел им и новые факты в связи с рядом действий югославского министра-резидента и секретаря югославской миссии в Тиране, рассказал им об агентурной работе, которую они проводят в целях организации антипартийных элементов и их активизации против нашей партии и нашего народа, говорил им об усилиях, прилагаемых нами к тому, чтобы они прекратили свою антиалбанскую деятельность.

— Подобные действия, — сказал я Хрущеву, — не могут быть предприняты по их личной инициативе, а совершаются по указаниям верховного югославского руководства. К такому заключению пришли мы, судя по их действиям.

Далее я поднял в своем выступлении вопрос о вредной деятельности, которую югославские руководители продолжали вести в Косове.

— Это щекотливый и важный для нас вопрос, — отметил я, — так как они не только организуют через Косову широкую деятельность против нашей страны, но и стараются ликвидировать албанское население Косовы, в массовом порядке выселяя его в Турцию и другие страны.

Подробно рассказав о попытках сотрудников югославской миссии в Тиране сколотить внутренних врагов нашей партии и нашего народа, о заговоре, который они хотели организовать на Тиранской партийной конференции в апреле 1956 г., о дальнейшей враждебной деятельности, которую они развертывали с помощью Тука Яковы, Дали Ндреу, Лири Гега и других, я подчеркнул:

— Все эти и другие факты, которых у нас очень много, убеждают нас в том, что до сих пор югославское руководство не отказывалось

от своего стремления свергнуть народную власть в Албании. Тем самым югославские ревизионисты составляют опасность не только для нашей страны, но и для всех других социалистических стран, ибо, как они и сами заявляли и как показывает и их деятельность против нас, они не мирятся с нашей социалистической системой, они против диктатуры пролетариата, окончательно отреклись от марксизма-ленинизма.

Мы, — отметил я далее, — желали и желаем поддерживать с Югославией хорошие отношения, но, откровенно говоря, югославским руководителям мы не доверяем, так как они выступают против общественной системы наших стран, они против основ марксизма-ленинизма. Во всей своей пропаганде они ни одного слова не говорят против империализма, наоборот, присоединяют свой голос к голосу западных держав против нас. За 14 лет мы не видели со стороны югославского руководства ни малейшего поворота, чтобы можно было заключить, что оно осознало кое-что из своих грубых ошибок и отклонений, которые в свое время были изобличены. Поэтому такому руководству мы доверять не можем.

Но какую позицию будем занимать мы по отношению к ним? — сказал я далее. — Мы будем хранить хладнокровие, будем проявлять терпение и бдительность. Но всякому терпению приходит конец. Мы не будем предпринимать ни одного шага, могущего ущемить интересы социализма и марксизма-ленинизма, не будем вести с ними вооруженную борьбу и не будем вмешиваться во внутренние дела Югославии. Мы никогда не стояли и не будем стоять за подобные действия, однако защиту своей правильной идеологической и политической линии и беспрестанное разоблачение оппортунизма и ревизионизма мы считали и считаем своим постоянным долгом.

У меня все, — сказал я в заключение. — Что же касается нашего политического положения, то оно очень хорошее. Народ выступает тесно сплоченными вокруг партии рядами и решительно проводит ее линию. Больше у нас ничего нет.

Слово взял Хрущев, который, то краснея, то бледнея, хотя и силился хранить «хладнокровие», до сих пор молча слушал мое изложение. Видимо, он хотел показать нам, «как можно молчать», даже в случае, если ты не согласен с собеседником.

— Хотел бы выразить наше мнение, — начал он. — Мы вполне согласны с вами и поддерживаем вас.

Но вслед за этой фразой Хрущев показал, как это они «поддерживали» нас:

— Мы полагали, что настоящая партийная встреча кончится быстрее и не думали, что вопросы будут изложены вами таким образом.

Вы, — сказал он далее, — как-то раздраженно смотрите на отношения с Югославией. Говоря об отношениях с Югославией, вы изображаете их бесперспективными. Судя по вашему изложению, можно подумать, что югославское руководство совершило измену, что оно совсем сбилося с колеи, что с ним ничего не добьешься, так что надо порвать с ним. Изменить-то, по-моему, оно не изменило, но что оно сильно отклонилось от марксизма-ленинизма, это, пожалуй, верно. По-вашему, мы должны вернуться к деяниям Сталина, натворившего того, что нам известно. Судя по тому, как вы изложили дела, получается, что Югославия настроена в первую очередь против Советского Союза, но и против вас и других. Слушая вас, я замечаю, что вы кипите злобой против них! Итальянцы, греки и турки не лучше югославов. Хотел бы спросить вас: с которыми из них у вас лучшие отношения?

— С греками и турками мы не поддерживаем отношений, — ответил я.

— Посмотрите, как югославы ведут себя по отношению к нам, — сказал он далее. — Они атакуют нас больше чем греки, больше чем турки, больше чем итальянцы! Но у Югославии что-то особое, пролетарское. Итак, можно ли порвать с Югославией?

— Мы не то говорим, — ответил я.

— Говорить-то не говорите, но, судя по вашим словам, вы так думаете. Югославия, конечно, не станет причиной войны против нашего лагеря подобно Германии, Италии или какой-либо другой стране. Вы считаете Югославию врагом номер один?! — спросил он меня.

— Мы не о Югославии говорим. Мы говорим о ревизионистской деятельности югославских руководителей, — ответил я ему. — Что нам делать после всего, что они против нас затевают?

— Постарайтесь нейтрализовать их деятельность. А что вы собираетесь предпринять в дальнейшем? Объявить им войну, что ли? — снова спросил он меня.

— Нет, войны мы не объявляли и не будем объявлять им. Но, если югославский министр пойдет завтра сфотографировать военные объекты, что нам делать?

— Отберите у него пленку! — ответил Хрущев.

— Такие меры послужили бы поводом для разрыва отношений с нами и взваливания вины на нас, — заметил я.

— В таком случае, чего вы от нас хотите, товарищ Энвер? — разозлился он. — Наши мнения расходятся и нам нечего советовать вам! Я вас не понимаю, товарищ Ходжа! Аденауэр и Киси не лучше Тито, и тем не менее мы всячески старались сблизиться с ними. Не думаете ли вы, что мы поступаем неправильно?

— Это не совсем так, — ответил я. — Говоря о Тито, подразумеваем улучшение партийных отношений, а между тем он анти-

марксист. Но ведь югославское руководство ведет себя некорректно даже в государственных отношениях. Какую позицию занимать нам в случае, если югославы будут продолжать составлять против нас заговоры?

— Товарищ Ходжа, — раздраженно воскликнул Хрущев, — вы прерываете меня постоянными репликами. Я слушал вас целый час и ни разу вас не прервал, а вы не дали мне говорить даже несколько минут, все время прерывали меня! Мне больше нечего сказать! — сказал он и встал.

— Мы приехали сюда обмениваться мнениями с вами, — отметил я. — К тому же вы, высказывая мнение, тут же задаете мне вопросы. Неужели вас обижает то, что я отвечаю на ваши вопросы?!

— Я сказал вам раз и снова говорю: Я слушал вас целый час, товарищ Ходжа, а вы не слушали меня ни четверти часа, неоднократно прерывали! Вы хотите строить свою политику на чувствах. Вы утверждаете, что между Тито, Карделем, Ранковичем, Поповичем и другими никакой разницы нет! Мы и раньше говорили вам: ведь они люди и отличаются друг от друга. Югославы утверждают, что они все одинакового мнения, но мы говорим другое: иначе, более разумно относятся к нам Тито и Ранкович, они более предрасположены сблизиться с нами; совершенно враждебно настроены против нас Кардель и Попович. Темпо — осел неустойчивый. Возьмем Эйзенхауэра и Даллеса. Оба они реакционеры, но их нельзя в одну кучу свалить. Даллес — зловердный, он поджигатель, тогда как Эйзенхауэр более человечный.

Мы сказали вам еще на первой встрече: ни на кого не собираемся напасть и никаких выпадов провоцировать не намерены. Наши атаки и контратаки должны быть такими, чтобы служили сближению, а не отчуждению.

Мы попросили Чжоу Энъяла выступить посредником в деле организации между нашими партиями встречи, на которой участвовали бы и югославы*. Он охотно согласился. Такая встреча может состояться. Югославы выразили свое согласие. Однако нельзя полагать, что все зависит от этой встречи. Но стоит ли при ваших мнениях идти на такое совещание?! Я не понимаю, чего вы хотите, товарищ Энвер! Убедить нас в том, что мы не пра-

* Речь идет о попытках Хрущева в сотрудничестве с китайским руководством созвать совещание всех коммунистических партий социалистических стран с участием и Тито. Совещание это было создано в Москве в ноябре 1957 г., однако, невзирая на попытки Хрущева и Мао Цзэдуна, югославы не приняли в нем участия. Более подробно об этом написано на страницах 345–351 настоящей книги. — *Примеч. автора.*

вы?! Не приехали ли вы к нам уговорить нас занимать в отношении Югославии такую же позицию, что и вы? Нет, у нас своя голова на плечах. Вы хотите убедить нас в правильности вашей линии?! Это не к добру и не отвечает интересам нашего лагеря. Мы находили правильными взгляды Албанской партии Труда на контрреволюцию, происшедшую в Венгрии. Однако ваша тактика в отношении Югославии неправильна. По-моему, вам следовало бы встретиться с Мичуновичем (югославским послом в Москве), но не для обострения, а для улучшения отношений. Но, судя по тому, как вы подходите к делу, вряд ли что-нибудь получится. Вы говорите о провокациях югославского министра в Тиране. У нас также югославский министр демонстративно ездил фотографировать военные объекты, Наш милиционер отобрал у него фотоаппарат, и дело с концом!

Повторяю: мы будем держать курс на улучшение как государственных, так и партийных отношений с Югославией. Добьемся мы этого или нет, это другое дело, зато совесть у нас будет чиста, этим мы окажем услугу нашей партии и всем другим партиям. Дела обострять не следует. Румынские товарищи по праву охарактеризовали вас в «Скынтейя» как «склочников».

— Мы не только против подобного несносного ярлыка, но и против духа, в котором братская партия, какой является румынская партия, трактует этот вопрос в своем центральном органе, — сказал я Хрущеву. — Быть склочником значит совершать беспринципные нападки. Мы никогда ни с кем не поступали так. Сама «Скынтейя» и те, кто написал эту статью, становятся возбудителями неправильных и беспринципных действий. У нас свои замечания и оговорки и касательно отношения польских товарищей ко многим вопросам, но в печати мы не критиковали их, так как не хотим стать возбудителями распрей и раскола. У нас были и есть замечания и в адрес итальянцев, как и по поводу отношения самих румынских товарищей к ряду вопросов. И все же мы проявляли и проявляем сдержанность, не критиковали их в печати, так как не хотим решать проблемы вне норм и правил, регулирующих отношения между братскими партиями.

Хрущев, который этим самым получил ответ в связи со своим «согласием» со «Скынтейя», продолжил, чуть снизив тон:

— Спокойно, спокойно, товарищи, всегда спокойно и мы победим. Знаете, что говорил нам Сталин? — добавил он. — «Прежде чем выносить что решения, надо принять холодный душ, как это делали римляне». Сталин так советовал нам, но сам душ не принимал. Пусть сделаем мы то, чего Сталин не делал!

Сказав это, он помолчал, а затем снова пустился в обвинения:

— Вы тоже не принимаете душ, прежде чем выносить решения, — отметил он. — Вы казнили Дали Ндреу и Лири Гега⁸. Мы считаем тяжелой, очень тяжелой ошибкой подобный акт.

— По поводу этих агентов, — сказал я, — мы говорили с вами и раньше, но тем не менее, если хотите, могу привести здесь бесчисленные подробности об их антипартийной и антиалбанской деятельности. Они все время действовали в ущерб нашей стране.

— Все равно! Все равно! — воскликнул Хрущев. — Не следовало так сурово наказывать их. Югославы пришли в ярость.

— Еще бы, они были их верными агентами, — сказал я и заметил, что решение нашего суда взбесило Хрущева не меньше югославам.

— Узнав, что вы намеревались предпринять, мы дали нашему послу в Тиране, Крылову, срочную радиограмму, в которой говорили ему о необходимости обязательно отменить данное решение вашего суда. Видимо, вы не вняли ему. Это был наш приказ.

— Я впервые слышу и удивляюсь тому, что вами был отдан такой приказ, — отметил я, стараясь подавить в себе гнев. — Но вам следовало бы знать, что во время судебного процесса была целиком и полностью доказана преступная деятельность этих опасных агентов. Наш народ не простил бы нам терпимости к ним. Мы не гладим врагов по голове, а наказываем их по заслугам, согласно проголосованным народом законам.

Но Хрущев места себе не находил.

— После выступления Тито в Пуле, — вставил Пономарев, — мы направили Крылову радиограмму, в которой давали ему указание советовать вам хранить хладнокровие, отвечая Тито, так как мы тоже собирались написать статью, и чтоб не получилось так, будто все это подстроено. В ней мы также указывали ему, что вам следовало предпринять в отношении Дали Ндреу и Лири Гега.

— О статье он сообщил нам, — ответил я, — но мы не могли не дать ответа Тито, поэтому и написали. Что же касается Дали Ндреу и Лири Гега, то мне известно, что ваш посол осведомился о них после их ареста и мы говорили ему о деятельности этих агентов. Никакого приказа он упомянуть не упомянул, и правильно поступил. Но, и если бы он передал нам его, мы ни в коем случае не могли идти наперекор решению народного правосудия.

— Наш посол, — сказал Хрущев, обращаясь к своим товарищам, — своего долга не выполнил. Этот шаг следовало бы пресечь.

Этот человек всегда открыто брал под защиту наших врагов, представляя себе Албанию, как страну, где нужно было исполнять его приказы, а не законы нашего государства. Помню, однажды он говорит мне:

— Я получил от некоего Панайота Пляку письмо, в котором он просит меня выручить его.

— Вы знаете этого человека? — спросил я. (Мне было известно, что он прекрасно знал убежавшего в Югославию изменника, агента югославов Панайота Пляку, который просил, чтобы его приняли в Советский Союз.)

— Нет, — ответил мне Хрущев, — я его не знаю.

Он лгал.

— Это изменник, — говорю я ему, — и, если вы примете его в вашу страну, нашей дружбе с вами придет конец. В случае, если примете его, то вы должны передать его нам, чтобы мы повесили его на площади.

— Вы подобно Сталину, который убивал людей, — сказал Хрущев.

— Сталин убивал предателей, мы также именно их убиваем, — добавил я.

Не найдя другого выхода, он отступил. Он еще надеялся подчинить нас себе иными средствами и путями. Излив все, что у него было, он замолчал, положил руки на стол, сбавил резкий тон и опять пустился в «советы».

Тактике «кнута» наступил конец: Хрущев снова подал «калач» на стол переговоров.

— Поймите же нас, товарищи, — сказал он, — мы разговариваем так только с вами, так как сильно вас любим, вы в наших сердцах, — и т. д. и т. п. И после всего этого сделал жест «щедрости»: освободил нас от выплаты кредитов, предоставленных до конца 1955 г. Советским Союзом нашей стране для ее хозяйственного и культурного развития. Мы, конечно, поблагодарили их, поблагодарили в первую очередь советский рабочий класс и братский советский народ за эту помощь маленькой, но мужественной, трудолюбивой и несгибаемой стране. Тем не менее, все мы раскусили «мотивы» этой «щедрости» Хрущева. Он хотел «задобрить» нас, кое-как смягчить напряженную обстановку, сложившуюся во время переговоров, хотел разубедить нас этой «помощью», которая была для Хрущева не помощью, а подачкой, приманкой, посредством которой он старался обмануть и подчинить нас. Но вскоре он убедился, что мы из тех, кто готов и травой питаться, лишь этому и никакому другому изменнику не подчиниться.

Несколько дней спустя после жеста «щедрости» Хрущев дал в честь нашей делегации большой ужин, на который пригласил и Мичуновича. Увидев его где-то в конце зала, он позвал его:

— Иди сюда! Чего ты поодаль сидишь!?

Он представил нас друг другу и сказал, улыбаясь:

— Договоритесь сами! — и отошел со стаканом в руке, чтобы дать нам «договориться». Мы поссорились.

Я пересчитал⁹ Мичуновичу все сказанное Хрущеву на встрече и отметил:

— Мы проявляли готовность и готовы и теперь улучшить государственные отношения с вами и прилагали к этому все усилия, но вы должны окончательно отказаться от антиалбанской деятельности.

— Вы называете нас ревизионистами, — сказал Мичунович. — Как же вы можете поддерживать отношения с ревизионистами?

— Нет, — ответил я, — с ревизионистами мы никогда отношений поддерживать не будем, но я говорю о государственных отношениях. Такие отношения мы можем и должны иметь. Что касается существующих между нами идеологических противоречий, то вы должны уяснить себе, что мы ни в коем случае не откажемся от борьбы против оппортунизма и против ревизии марксизма-ленинизма.

— Когда вы говорите против ревизионизма, вы имеете в виду нас, — сказал Мичунович.

— Это верно, — отметил я. — Упоминаем мы или нет Югославию, в действительности мы имеем в виду и вас.

Мичунович настаивал на своем. Спор обострялся. Хрущев, следивший за нами издали, почуял обострение и подошел к нам.

Мичунович взялся повторить ему сказанное и мне и продолжал возводить на нас обвинения. Однако на этом ужине Хрущев держал «нашу сторону».

— Когда Тито был на Корфу, — напомнил он Мичуновичу, — король Греции сказал ему: «Ну что, не разделить ли нам Албанию?». Тито не ответил, а королева попросила их прекратить подобные разговоры.

Мичунович растерялся, он сказал:

— Это была шутка.

— Такие шутки, особенно с монархо-фашистами, которые всю жизнь притязали и притязают на Южную Албанию, делать нельзя. А подобные «шутки», — сказал я ему, — вы делали и раньше. У нас документ Бориса Кидрича, в котором он считает Албанию свободой Республикой Югославии.

— Это сделано одним отдельным человеком, — ответил Мичунович.

— Отдельным-то отдельным, но зато членом Политбюро вашей партии и председателем Государственной плановой комиссии, — сказал ему Мехмет.

Мичунович еще больше растерялся и ушел. Хрущев взял меня под руку и спросил:

— Как это случилось? Опять вы поссорились?

— А как же могло случиться иначе? Плохо, как с ревизионистами, — ответил я.

— Ну и странные люди вы албанцы, — отметил он, — вы упрямый народ.

— Нет, — сказал я, — мы марксисты.

Мы расстались недовольные друг другом. Но Хрущев был изменчивым в своих коварствах. Как я уже говорил, он то смягчал, то обострял отношения с Тито. Когда обострялись его отношения с Тито, он смягчал их с нами. Помню, выступая на VII съезде Болгарской коммунистической партии, Хрущев резко атаковал Тито и все аплодировали ему¹⁰. На перерыве все главы делегаций собрались в одной комнате на кофе. Там Хрущев сказал:

— Несмотря на то, что я говорил о Тито, товарищ Энвер Ходжа опять-таки недоволен.

— Вы правы, — сказал я ему, — Тито нужно еще решительнее и беспрестанно изобличать.

Однако не всегда было так. До поездки Хрущева в Албанию в мае 1959 г., советское руководство направило нам радиogramму, в которой сообщалось, что «по понятным причинам он не коснется в своих речах югославского вопроса и надеется, что албанские друзья как следует учтут это в своих речах».

Это было условием, которое они ставили нам, и они ждали от нас ответа. Мы долго обсуждали этот вопрос в Политбюро, все выразили сожаление и негодование по поводу этого визита, сопровождаемого условиями, взвесили все плюсы и минусы, которые вытекли бы из принятия или непринятия нами условия, поставленного Хрущевым. Мы отдавали себе отчет в том, что югославы и вся реакция будут потирать руки и скажут:

— Вот поехал Хрущев в Албанию и заткнул рот албанцам. Да где? У них дома!

Однако приезд в Албанию Председателя Совета Министров СССР и Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза имел особое значение для укрепления международного положения нашей страны.

Вот почему мы единогласно решили принять условие Хрущева лишь за дни его пребывания в Албании, а с его отъездом из Албании по-прежнему продолжать нашу последовательную борьбу против югославских ревизионистов. Опасаясь того, как бы не случилось как в Ленинграде в апреле 1957 г., Хрущев, сразу же

по прибытии к нам с визитом к концу мая 1959 г., первым заговорил, не дав мне даже приветствовать его с приездом:

— Вы должны знать, что против Тито я говорить не буду.

— Мы гостя считаем гостем и ничего ему не навязываем, — ответил я.

Говорил я, сказал то, что у нас было, конечно, в дружественном духе, но не думаю, что он не понял моих намеков.

Тем не менее мы дружески относились к нему и старались, чтобы он вынес как можно лучшие впечатления о нашей стране и о нашем народе. Он все время вел себя так, как это вошло у него в привычку: то будто в шутку, то резким тоном изливал все, что было у него на уме.

Беседовали мы о наших экономических проблемах. Поставив его в известность о достигнутых до тех пор результатах, я рассказал ему и о наших перспективах. В числе главных отраслей я упомянул нефтепромышленность и сообщил ему, что в последние дни забил новый нефтяной фонтан:

— Неужели? — сказал он. — А какого нефть качества? Насколько мне известно, у вас плохая, тяжелая нефть. Вы подсчитали, во сколько обойдется вам ее переработка? К тому же кому будете продавать ее, кто нуждается в вашей нефти?

Далее я рассказал ему о нашей горной промышленности, ее очень хороших перспективах, упомянув при этом ферроникелевую, хромовую, медную руды.

— Этих руд у нас в достатке и мы полагаем, что нам следует идти по пути их переработки в стране. И в беседах с вами в истекшем году, и неоднократно на совещаниях СЭВ мы отмечали необходимость создания металлургической промышленности в Албании, — сказал я. — До сих пор мы не получали положительного ответа, тем не менее мы настаиваем на этом.

— Металлургический завод? — прервал он меня. — Согласен, но вы хорошенько обдумали это? Подсчитали ли вы, во сколько обойдется вам тонна выплавленного металла? Если она дорого обойдется, то вам ее не нужно. Повторяю: продукции одного дня у нас хватит на удовлетворение ваших потребностей на несколько лет.

Вот так отвечал он на все наши запросы, так подходил он ко всем нашим проблемам.

Как только кончил я, слово взял Хрущев: — Изложение товарища Энвера, — сказал он, — еще больше разъяснило нам ваше положение. Что касается ваших потребностей, то скажу вам, что приехали сюда мы не для того, чтобы их рассматривать. Мы не уполномочены правительством вести с вами переговоры

по таким вопросам. Мы приехали сюда, чтобы знакомиться, обмениваться мнениями.

Потом, улыбаясь, отпустил шутку, которая не была просто шуткой:

— Мы полагаем, — сказал он, — что ваши дела идут хорошо. Албания прошагнула¹¹ вперед и, если бы вы предоставили нам заем, мы охотно получили бы его.

— Камней, моря и воздуха у нас сколько угодно, — в тон ответил ему Мехмет.

— Их у нас намного больше, чем у вас, — заметил он. — Доллары у вас есть? — спросил Хрущев, а затем изменил тон:

— Оставим это, — сказал он. — Вы, правда, наметили сдвиги, но вас удовлетворить трудно. Мы отпустили вам в прошлом году кредит, вы просите еще. А у нас народная поговорка: «По одежке протягивай ножки».

— Такая же поговорка существует и у нас, — сказал я, — мы ее знаем и довольно хорошо применяем.

— Да, — отметил он, — но вы опять кредиты запрашиваете. — Пожал плечами, помолчал и снова заговорил, улыбаясь: — Или же, угостив нас плотным обедом, вы воспользовались случаем, чтобы снова просить. Если бы знали об этом, мы принесли бы обед с собою.

— Албанцы, — сказал я ему, — питают к гостю особое уважение, есть у них или нет, они все равно гостеприимны. Когда кто-нибудь приходит к ним в гости, они оказывают ему все почести, проявляя даже терпимость, если что-нибудь не так.

— Я шучу, — сказал он, громко смеясь. Но это больше походило на гримасу. Где бы ни бывал, он критиковал нас. Насчет большого Штойского виноградника он заметил:

— Зачем вы деньги зря тратите? Здесь ничего не получится.

Но мы, независимо от замечаний «специалиста по сельскому хозяйству», продолжили работу и сегодня Штойские виноградники — прямо чудо.

Он критически отнесся к работе по осушению Тербуфского болота. Во Влёре вызвал главного у нас советского специалиста-нефтяника и тот, наверняка, хорошенько «подготовленный» советским посольством в Тиране, у нас на глазах сделал чрезмерно пессимистический доклад, заявив, что в Албании нет нефти. Но туда пришла и группа албанских специалистов-нефтяников, которые на многочисленных доводах и фактах отвергли слова советских. Они подробно рассказали об истории развития нашей нефтяной промышленности, о большом интересе, который в прошлом иностранные империалистические компании проявляли к албанской нефти, и о больших и обнадеживающих результатах, достигнутых

нами за 15 лет народной власти. В свою очередь Мехмет подробно проинформировал Хрущева о широких перспективах развития нефтедобывающей промышленности в Албании и указал ему на последние открытия в этой области.

— Ладно, ладно, — повторил Хрущев, — но ваша нефть тяжелая, она сернистая. Занимаетесь ли вы расчетами или нет? Допустим, вы перерабатывать ее будете, но литр бензина обойдется вам дороже килограмма икры. Нужно хорошо учесть коммерческую сторону. Ведь не обязательно все иметь на месте. А друзья-то на что?!

Он посоветовал нам в Саранде сажать только альпесины и лиמוны, в которых Советский Союз остро нуждался.

— Пшеницы дадим вам мы. Столько пшеницы, сколько вам нужно, у нас крысы съедают, — отметил он, повторив сказанное нам в Москве еще в 1957 г. И дал он нам уйму «советов».

— Не тратьте вашей земли и вашего замечательного климата на кукурузу и пшеницу. Они не приносят вам доходов. У вас произрастают лавры. А знаете ли вы что это такое? Лавры — это золото. Засаживайте лаврами тысячи гектаров земли, а покупать их будем мы.

Затем он заговорил о земляном орехе, чае, цитрусовых.

— Вот что вам разводить надо, — сказал он. — Таким образом Албания станет цветущим садом.

Иными словами, он хотел, чтобы Албания превратилась в плододоводческую колонию, которая служила бы ревизионистскому Советскому Союзу, как это служат Соединенным Штатам Америки колонии банановых и фруктовых плантаций в Латинской Америке.

Однако мы не могли допустить и не допустили такого самобийства, которое советовал нам Хрущев. Впрочем, даже археологические работы он подверг критике, обозвав археологические находки «мертвечиной». Посещая Бутринт, он сказал нам:

— Зачем тратить все эти силы и средства на такую мертвечину! Оставьте эллинов и римлян в их старине!

— Кроме эллинской и римской культуры, — отметил я ему, — в этих краях развивалась и процветала еще другая древняя культура, иллирийская. Албанцы — иллирийского происхождения, и наши археологические исследования подтверждают и бросают свет на нашу многовековую историю, на древнюю и богатую культуру мужественного, трудолюбивого, неsgiбаемого народа.

Но Хрущев был круглым невеждой в этих вопросах. Он исходил только из «выгоды».

— Какой пользы будет вам от этого? Повышает ли это благосостояние народа, — спросил он и позвал Малиновского, тогдашнего министра обороны, который всюду сопровождал его:

— Посмотри, — уловил я их шепот, — какое здесь чудо! Можно построить идеальную базу для наших подлодок. Выкопаем и выбросим в море всю эту мертвечину (они имели в виду археологические объекты Бутринта), пробьем эту гору насквозь, — и они протянули руку в направлении Ксамиля. — У нас будет самая идеальная и самая надежная в Средиземноморье база. Отсюда можно все парализовать и атаковать.

Спусти два дня то же самое повторили они и во Влёре. Мы сидели на веранде дачи в «Уи-и-Фтохтэ».

— Великолепно, великолепно! — воскликнул Хрущев и повернулся к Малиновскому. Я подумал, что это он говорил о действительно замечательном пейзаже нашей Ривьеры. Но у них совсем другое было на уме.

— Какая надежная бухта у подножия этих гор! — говорили они. — Если разместить здесь мощный флот, все Средиземное море от Босфора до Гибралтара будет в наших руках! Мы любого можем зажать в кулак.

Я содрогнулся при этих словах, содрогнулся оттого, что они вели себя как владыки морей, стран, народов. Нет, Никита Хрущев, сказал я про себя, мы никогда не допустим, чтобы наша земля стала исходным пунктом для кровопролития и для порабощения других стран и народов. Ни Бутринт, ни Влёра, ни одна пядь албанской земли никогда не будут твоими, ты никогда не сможешь использовать их в твоих темных целях.

Фиктивный «мир» все больше расшатывался до основания. Хрущев и его последователи все ярче видели наше сопротивление и пытались сломить нас, прибегая к экономическому давлению, оркестрируя под сурдинку дискриминацию нашего руководства через своих специалистов, работавших у нас во всех секторах — на нефтепромыслах, экономических предприятиях, где у нас не было достаточного опыта работы, в армии, где они имели своих советников, и т. д. Советское посольство располагало бесчисленными «советниками», являвшимися дипломатами только по названию, так как в действительности они были офицерами органов безопасности, оно поддерживало связи со всеми этими «специалистами» и давало им соответствующие указания. Первым делом они дали своим специалистам по экономической части указания расслабить свою работу в Албании. Специалисты эти, кто больше, а кто меньше, начали интересоваться в первую очередь приобретением шерстяных тканей и других предметов, которые они посылали в Советский Союз и продавали на черном рынке, вместо того чтобы работать с нашими товарищами.

Специалистов, которые продолжали искренне относиться к нам, посольство одного за другим удаляло по несостоятельным причинам

и вопреки их воле. Расставаясь с нашими людьми, специалисты эти выражали свое недовольство. В Албании, конечно, оставались те, кому было приказано подорвать главные, невралгические узлы нашей экономики, особенно в области нефтепромышленности и геологических изысканий. Советские «специалисты» — нефтяники, как выяснилось впоследствии, завербовали и несколько агентов среди наших геологов и, как это последние сами признали, им было дано задание не сообщать нашей партии и нашему правительству точных данных о производимых открытиях, утаивать результаты этих открытий, использовать всевозможные формы саботажа — направлять буровые работы не туда, где надо, нарушать всякую технику поисков и добычи, попусту тратить сотни миллионов лек, и т. д. Агентов, которых они вербовали у нас, хрущевские ревизионисты учили разным способам саботажа. И агенты эти выполняли указы своих хозяев. Эти «специалисты» — нефтяники и «геологи» составляли два доклада: один с точными и положительными данными от разведки разных полезных ископаемых, а другой — ложный, где утверждалось, будто поиски дали отрицательные результаты, а, следовательно, искомым минералов не обнаружилось. Первый доклад отправлялся в Москву и Ленинград через гнездо КГБ — советское посольство в Тиране, а второй — в наше Министерство промышленности и шахт. Вся эта подлость была раскрыта и доказана, когда советские убрались из нашей страны. Будучи убежденным в наличии саботажнической деятельности, наш Центральный Комитет отдал приказ изучить доклады, снарядить наши собственные геологические экспедиции во все те места, которые советские саботажники объявили отрицательными, и начать там поиски. Так и было сделано. Именно в тех местах, о которых они заявляли, что «ничего нет», мы нашли нефть, хромовую, медную, ферроникелевую руды, каменный уголь и другие полезные ископаемые.

Это было экономическое давление, рассчитанное на то, чтобы заставить нас мириться с их взглядами. Но они разбили себе голову. Сопротивление нашей партии постоянно усиливалось, хотя мы не сжигали мосты с ними. В свою очередь и советские ревизионисты действовали осмотрительно, чтобы не сжечь мосты с нами. Советский посол часто приходил щупать нам пульс в связи с какой-либо международной проблемой, о которой я без обиняков высказывал наше мнение, или же узнать что-либо из первых рук, и я буквально заваливал его сообщениями о погоде, севе, уборке или каком-нибудь общем постановлении партии по экономическим и культурным вопросам.

Таковыми были советские послы после вступления Хрущева на престол. Они полагали, что мы слепцы. Когда мы обращались

к ним с вопросами, они никогда не высказывали какого-либо мнения. В таких случаях они отвечали: «Сообщу» или «спрошу Москву». В их обязанности входило служить информаторами. Они редко понимали проблемы нашей промышленности и сельского хозяйства.

Советский посол, Крылов, приехавший в Албанию до Иванова, побывал в нескольких краях Южной Албании. По возвращении оттуда он навестил меня.

— Ну что, остался доволен увиденным? — спросил я.

Он ничего конкретного не ответил, ибо предпринял поездку с целью увидеть то, о чем опасно было сообщить мне. И произнес он всего лишь одно слово... «великолепно».

— Я заметил, что у вас в селах и городах много собак и, по моим подсчетам, в Албании должно быть... собак, которые должны съедать... хлеба, и что хлеб этот в переводе на зерно составляет... тысяч центнеров.

Ну и посла отправили они к нам, — подумал я и сказал ему:

— Возможно, это верно, однако у нас нет собачьих парикмахерских и ресторанов, как в Париже. Какие меры советуете вы нам принять, товарищ посол?

— Убейте их! — ответил он.

— Но в таком случае заявило бы протест «Общество по охране животных», ведь порядочно нас обвиняют в убийстве предателей и агентов реакции, — сказал я.

Этот же посол как-то порекомендовал мне не прибегать к резким выражениям в отношении Тито на предстоящей сессии Народного Собрания. Я ответил ему:

— Товарищ посол, я ни от кого не получаю приказов, кроме как от своей партии.

— Это нам ясно, но в случае если будет атакован Тито, на сессии Народного Собрания я присутствовать не буду, — выразил он свой протест.

— Тито будет разоблачен даже сильнее, чем я писал по этому поводу, а сессия Народного Собрания будет открыта даже и в случае вашего отсутствия, — сказал я ему.

И хваленый советский посол пришел на сессию, устроился где-то в уголке ложи, где не было его место, позади других послов.

Ясно было, что получивший от нас пощечину посол сделал такой угрожающий жест по указке Москвы.

Не прошло много времени, и «советник» по истреблению собак в Албании был отозван из Тираны и назначен заведующим отделом при Центральном Комитете Коммунистической партии Хрущева!

Хрущев и его шайка с каждым днем усиливали экономическое давление на нас. Они не предоставляли нам всей запрошенной помо-

щи, а то, что они предоставляли, было совершенно недостаточным. Запчасти к тракторам посылали нам в каких-то ящиках на самолетах. Этим они хотели поставить нас на колени, но напрасно, они потерпели неудачу. Чтобы давлением заставить нас принять их условия, однажды (мы беседовали тогда о наших экономических проблемах) Хрущев сказал нам: «В отношениях с югославами мы всегда придерживались принципа: давать им половину запрошенного. Когда они хорошо ведут себя, мы проявляем большую щедрость. Так поступаем мы со всеми теми, кто плохо ведет себя с нами». Подтекст был совершенно ясным: они прибегали к открытому давлению. Мы так поссорились, что чуть ли не прервали переговоры.

Советские стали часто провоцировать наших людей во всех концах страны. Однажды один наш гражданин пожаловался своему начальнику за то, что советский «специалист» предложил ему стать агентом. Наш товарищ с возмущением отверг его предложение. В связи с этим наше Министерство иностранных дел заявило советскому посольству протест. Разумеется, советское посольство заявило, что среди советских специалистов таких людей не было, но прошло несколько недель и оно удалило своего прогоревшего агента. Это впервые к нам поступало такое донесение, поэтому наша партия и наше правительство призвали проявлять наибольшую бдительность, осмотрительность и выдержку. Со временем становилось все яснее, что обстановка обострялась, хотя московское руководство соблюдало видимость «дружбы».

На наш взгляд, руководство Коммунистической партии Советского Союза окончательно сбилось с колеи, Хрущев и хрущевцы были ревизионистами, предателями. Борьба будет объявлена. А время ее объявления было делом месяцев, тогда как отношения между нами держались на волоске.

